

90-ЛЕТИЕ А. Н. ПУДОВИКА

23 февраля 2006 года, всего три недели не дожив до своего 90-летия (15 марта 2006 г.), ушел из жизни выдающийся химик-фосфорорганик с мировым именем, член-корреспондент Российской академии наук, лауреат Ленинской и Международной Арбузовской премий Аркадий Николаевич Пудовик. Он был директором ИОФХ в течение 18 лет (1971–1989 гг.). Аркадий Николаевич очень много сделал для химии фосфорорганических соединений, для Казанской химической школы и для нашего института, в частности. Его блестящие труды в значительной мере определяли лицо мировой классической фосфорорганики второй половины XX века. Его ученики, ученики учеников и научные внуки сейчас составляют костяк нашего института.

В марте 2006 г. в КГУ и в ИОФХ прошла научно-мемориальная конференция, посвященная 90-летию Аркадия Николаевича. О ней, так же как и вообще об Аркадии

Николаевиче как ученом, педагоге и организаторе науки рассказано в статье его ученицы члена-корреспондента АН РТ Э. С. Батыевой, помещенной в предыдущем томе нашего ежегодника (С. 84–86). В связи с 85-летием Аркадия Николаевича в самом первом выпуске Ежегодника (С. 77–78) напечатана статья о его жизни и деятельности, принадлежащая перу академика А. И. Коновалова. К 200-летию юбилею Казанского университета профессор И. В. Коновалова опубликовала брошюру об Аркадии Николаевиче в серии о выдающихся ученых КГУ (см. ниже в этом разделе).

Поэтому мы решили отметить юбилей Аркадия Николаевича публикацией воспоминаний его учеников – крупных ученых из нашего института и из КГУ. Мы надеемся, что эти воспоминания позволят читателю взглянуть на блестящую фигуру нашего патриарха под новым, “более человеческим” углом зрения.

Аркадий Николаевич Пудовик
(15.03.1916–23.02.2006)

Воспоминания учеников А. Н. Пудовика

Аркадий Николаевич Пудовик вошел в историю мировой и отечественной науки как яркий представитель Казанской химической школы, он был замечательным ученым, организатором науки и высшего образования в нашей стране. А для нас, выпускников химфака, Аркадий Николаевич – Учитель с большой буквы.

Вспоминается далекий 1951 год. Мы – студенты первого курса химфака, нас принимает молодой декан Аркадий Николаевич, мы у него первый прием, он сменил на посту декана своего учителя академика Б. А. Арбузова. Студенческие годы – замечательная пора в жизни человека, а нам повезло, что рядом с нами был добрый наставник Аркадий Николаевич. В этот период происходили важные события в жизни нашего университета: в 1953 году мы переехали из здания Бутлеровского института в новый химкорпус, а в 1954 году отметили 150-летие университета, состоялось открытие памятника молодому В. Ульянову. В 1948 году на химфаке при активном участии Аркадия Николаевича была создана кафедра синтетического каучука, переименованная в 1962 году в кафедру химии полимеров, в настоящее время это кафедра высокомолекулярных и элементоорганических соединений, а в 1958 году по инициативе Аркадия Николаевича при кафедре была создана проблемная лаборатория. Аркадий Николаевич умело подбирал кадры и сумел создать прекрасный коллектив, вдохновенно работавший под руководством своего Учителя. Аркадий Николаевич

создал свое оригинальное научное направление в химии фосфорорганических соединений (ФОС). И это не только знаменитая реакция Пудовика, ставшая именной, но и многие оригинальные реакции и перегруппировки, открывшие новые пути синтеза ФОС, имеющие важное теоретическое и практическое значение. Аркадий Николаевич воспитал многочисленных учеников. Всегда уравновешенный, предельно вежливый, доброжелательный, честный, принципиальный Аркадий Николаевич – Учитель не только в науке, но и в жизни.

И мы, его ученики, вспоминаем годы, проведенные рядом с ним, как лучшие годы своей жизни, и благодарны судьбе, что еще в студенческую пору встретили человека, который стал для нас Учителем с большой буквы и определил весь наш дальнейший путь.

И мы не устаем повторять: “Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колена...”

Литература

1. Коновалова И.В. Аркадий Николаевич Пудовик. Выдающиеся ученые Казанского университета. К 200-летию Казанского университета. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2002, 20 с.
2. Коновалова И.В., Бурнаева Л.А. Реакция Пудовика. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 1991, 146 с.

И. В. Коновалова

По прошествии времени вспоминаются события, которые кажутся случайными совпадениями, но могут быть и предопределенными, как говорят, судьбой.

Когда в 1963 г. я поступал на химический факультет КГУ, на собеседовании с абитуриентами декан химфака проф. Вера Федоровна Торопова меня спросила, почему я иду на химический факультет? Ответ был примерно такой: за химией будущее. “Коммунизм есть советская власть плюс электрификация и химизация всей страны” (с таким лозунгом выступал в те годы Н. С. Хрущев). Конечно же буду заниматься полимерными материалами, без них невозможен прогресс. Звучит немного наивно, но как иначе мог ответить вчерашний десятиклассник – секретарь комитета комсомола школы из провинциального городка Чистополя, победитель Республиканской химической олимпиады школьников.

Поэтому, когда позднее старшекурсник, активный член студенческого научного общества химфака Зимин Миша предложил мне заняться экспериментальной работой на кафедре полимеров, я, конечно же, согласился и практически со второго курса под руководством И. В. Ко-

новаловой стал получать первые навыки химического эксперимента – синтеза новых соединений. Правда это не были полимеры, но меня это особо не огорчало, так как при желании можно было заняться и ими. Вот в те годы на кафедре химии полимеров впервые я и увидел Аркадия Николаевича – заведующего кафедрой, профессора, известного ученого, члена-корреспондента Академии наук СССР (!!!). На первый взгляд, довольно недоступного. Но только на первый взгляд, а на самом деле, спокойного, рассудительного и очень доброжелательного учителя. А затем, участвуя в заседаниях кафедры при обсуждении курсовых, дипломных работ, и позднее, являясь аспирантом, младшим научным сотрудником кафедры, я встречался с А.Н. все чаще и чаще. Надо сказать, что при совместном обсуждении результатов экспериментов А.Н. всегда давал возможность отстаивать свою точку зрения, и я никогда не чувствовал давления. В это время я увлекся термическим анализом ФОС и их перегруппировок и не всегда результаты поддавались простому объяснению. Поэтому, когда А.Н. стал директором ИОФХ и предложил мне перейти из КГУ в

ИОФХ, я не стал долго раздумывать и с мая 1971 г. по настоящее время – сотрудник Института органической и физической химии.

Работая в лаборатории Аркадия Николаевича – лаборатории элементоорганических соединений, – а также по линии выполнения общественных нагрузок, являясь членом, а затем секретарем партбюро института и позднее как заведующему лабораторией химии нефти, мне довольно часто приходилось общаться с А.Н., и всегда меня поражала его выдержка и умение, не повышая голоса, проводить свою линию, отстаивая свое мнение в дискуссии, и доводить задуманное до завершения, говоря словами спортсмена, он “умел держать удар”. Он мог пойти в обком профсоюзов, чтобы добиться путевки в санаторий для больного ребенка сотрудника и отстаивать в разных инстанциях “квадратные метры жилья” для коллектива института. Надо отметить, что А.Н. любил и пошутить. Помню как то на одном из “заседаний лаборатории” по случаю одного из праздников А.Н. говорит: “Услышал недавно новый анекдот, сейчас расскажу: “Живут на острове звери и решили они построить мост. Посылают они в Москву ходоков, все возвращаются безрезультатно – и медведь, и волк, и лиса, и заяц и др. Тогда осел предлагает свою кандидатуру. Все посмеялись, но послали, делать нечего. Проходит время. Приходит телеграмма: Встречайте стройматериалы, технику и бригады рабочих”. И действительно, вскоре работа закипела, мост построили, а стройматериалы все поступают. Звери недоумевают. В чем дело? Возвращается осел. Его спрашивают? Как тебе это все удалось? Осел отвечает: а я зашел в одно министерство, в другое – везде свои, мои родственники. А когда спросили: “Как будем мост строить – вдоль или поперек? Ну, я и сказал наугад: вдоль острова...”. А надо отметить – это было в начале 70-х и до перестройки было еще далеко. (“Но анекдот был ну очень уж интересный!”).

А особый период в наших взаимоотношениях наступил конечно же в то время, когда А.Н. предложил мне перейти в лабораторию химии нефти и возглавить ее. Я был в полугодовом академическом отпуске, оформлял докторскую диссертацию, в институте месяца два не появлялся. Мне передают: “Срочно вызывает А.Н.”. Прихожу в институт, захожу в кабинет А.Н. Он меня спрашивает: “Ну как дела, как диссертация?” Отвечаю: “Заканчиваю, время еще есть, должен успеть”. “Это хорошо, с диссертацией справишься. А что если тебе взяться за нефть? Лаборатория осталась без заведующего – Марк Соломонович уехал в Самару. Мы в дирекции перебрали разные кандидатуры, я думаю, ты справишься”. Я только сказал: “Это же совершенно новая для меня область, оформление диссертации не закончено, к тому же большая нагрузка на мне – секретарь партбюро”. А.Н.: “С райкомом партии уже договорился”. Так с 15 сентября 1981 г. “по партийному призыву” я стал “нефтяником”, сначала, конечно же, и.о. заведующего лабораторией. Не все в институте адекватно приняли это решение А.Н. Но это уже другая история. Скажу только, что А.Н. всегда старался мне помочь, хотя было много разных, далеко не простых ситуаций. И уже много позже, когда я его навещал в больнице, и мы говорили на разные темы, в том числе я рассказывал о делах в лаборатории химии нефти, о том, что проводим конференции, в том числе международные, пишем статьи, делаем доклады на разных нефтяных форумах, в том числе за рубежом, защищаем диссертации, имеем договора с нефтяными компаниями и т.д. А.Н. тогда мне все же сказал: “Часто я задумывался, а правильно ли я сделал, что предложил тебе заняться нефтяной тематикой, у тебя так хорошо шел синтез. Однако вижу, что ты все же справился, и тебе это тоже интересно”. На это я только ответил: “Считайте, Аркадий Николаевич, что еще один Ваш эксперимент прошел удачно”.

Г. В. Романов

Аркадию Николаевичу я обязана своей химической судьбой. В 1958 г. он был деканом химфака, и от него зависело, даст ли он свое согласие на перевод с биолого-почвенного факультета на химфак после первого курса двум студенткам (мне и моей одногруппнице по биофаку Гале Козловой). Условие такого перевода было одно – отличные отметки в зачетке как на биофаке, так и по предметам, которые следовало досдать до начала занятий на втором курсе (аналитическая геометрия, матанализ, неорганическая химия, так как программы по этим предметам на химфаке и биофаке отличались). На наше счастье, первый курс был на целине до 10 октября, а мы с Галей в это время по комсомольским путевкам работали каменщиками на строительстве жилого дома для сотрудников университета на ул. Красной Позииции (дом до сих пор стоит) и одновременно занимались и сдавали четыре экзамена один за другим. По одной

четверке мы все же получили у профессора В. И. Шуликовского, мала была практика по матанализу. Несмотря на это, долгожданное согласие декана о переводе было нами получено. После первых двух экзаменов Аркадий Николаевич уже понял, что мы девушки серьезные, и проникся к нам симпатией (как говорил позже). Сейчас я думаю, ведь Аркадию Николаевичу в 1958 году было всего 42 года, а он казался нам, восемнадцатилетним, настоящим аксакалом.

Аркадий Николаевич был заведующим кафедрой химии полимеров и на 3 курсе (1959 г.) пригласил меня и Галю Козлову заниматься научно-исследовательской работой. В те годы это было еще достаточно редким явлением, чтобы с младших курсов студенты активно включались в научную работу. Галю определили к И. М. Аладжевой, а меня – к И. В. Коноваловой. Обе тогда интенсивно работали над кандидатскими дис-

сертациями и в большой степени смогли передать нам свою увлеченность химией вообще и химией фосфора, в частности. При кафедре была небольшая лаборатория (химии мономеров), это был единый научно-преподавательский коллектив, руководителем и кумиром которого был Аркадий Николаевич. Атмосфера в коллективе была исключительно доброжелательная, нас всех объединял трудовой энтузиазм, все радовались успехам друг друга и, заканчивая химфак, мы уже были соавторами нескольких научных публикаций. Сейчас это норма, а тогда это было еще редкостью. Аркадий Николаевич по своей натуре человек добродушный, был достаточно строгим и требовательным руководителем. В то же время он не считал для себя зазорным учить студентов всему сам, начиная с азов, и уж это навсегда впечатывалось в память. Приборы для вакуумной перегонки собирались тогда на резиновых пробках, и Аркадий Николаевич лично учил нас, как надо правильно подобрать сверла, чтобы отверстие получилось не меньшим и не большим, чем, например, ножка кобылки, а таким, как нужно. Сколько мы посуды стеклянной перебили и переломали из-за этих злосчастных пробок! Учил тянуть капилляры, учил не бояться любой работы, не любил грязного рабочего места, учил не торопиться с выводами и не пытаться выдавать желаемое за действительное.

С самого начала он учил нас самих писать научные статьи и тезисы докладов. Сейчас часто видишь, что даже аспирантам пишут статьи (и даже диссертации!) их научные руководители. Конечно, это быстрее, но в результате часто молодой ученый не в состоянии должным образом сформулировать свои результаты и выводы, ждет от руководителя ЦУ, не приобретает необходимой самостоятельности. Так быть не должно. Аркадий Николаевич в каждом своем ученике умел увидеть его лучшие качества и всячески способствовал их развитию. Он сам был исключительно трудолюбивым человеком и очень уважал это качество в других людях. Работали аспиранты в те годы до 9–10 вечера, и частенько Аркадий Николаевич вечером заглядывал к нам в аспирантскую и беседовал с каждым. А наутро мог придти и спросить: “Ну, Эллочка, что у Вас нового?”. Иногда мы даже обижались, потом подтрунивали друг над другом, спрашивая через короткие промежутки времени, ну, что у вас новенького? Только позже, когда Аркадий Николаевич стал директором ИОФХ и не мог много времени бывать на кафедре, мы поняли, как нам не хватает этого его “что у Вас нового?”. Наш курс (выпуск 1962 г.) пользовался у Аркадия Николаевича особой любовью, а наша кафедральная группа (сплошь отличники) неоднократно бывала у него дома, в частности, мы встречали Новый 1962 год в гостеприимной и хлебосольной квартире Пудовиков (Миша Пудовик – наш одноклассник, ныне доктор химических наук, профессор, зав. лаб.). Остается только поражаться, как Алла Дмитриевна (Диме было всего годик с небольшим) терпела всю нашу шумную ватагу! Но Аркадий Николаевич любил наши шумные и веселые вечеринки, душевные песни. Мы частенько вместе с

Аркадием Николаевичем выезжали на природу – и летом (на лодках по Казанке, или на поезде в Обсерваторию, отмечали выпуск обеих наших монографий в РИМИОС в издательстве “Химия”), и зимой на лыжах (на Лебяжье озеро, в Займище), нам было интересно друг с другом. Не забыть наших капустников по поводу Нового года, 23 февраля, 8 марта и других праздников. Боже, как было интересно и увлекательно! Устраивались соревнования по лабораториям. Ну, представьте себе Аркадия Николаевича в костюме римского сенатора Гнея Помпея, в парчовой тунике, на голове что-то немыслимое из бумаги, пальцы унизаны кольцами, в руке – посох какой-то деревянный. Над головой машут опахалом из пальмового листа. Слева от него – жена (доцент В. И. Никитина) в белой тунике, на голове диадема какая-то, на ногах сандалии на плоской подошве, лодыжки и икры оплетены ремешками. Все стили не выдержаны и перепутаны, но потрясающий эффект достигнут! Все стонут от хохота, но Аркадий Николаевич полон достоинства и не выходит из образа. И ведь приходил на репетиции, участвовать согласился сразу, у него не было “звездной болезни”, ученики просят – значит надо, проблема была лишь во времени. Надо сказать, что первое место нам тогда так и не присудили, по причине использования “административного ресурса” – зав. кафедрой Аркадия Николаевича. Вот какие были строгие судьи, ну и ладно, мы не расстроились, сам процесс был для всех нас гораздо важнее. Ему самому все эти наши затеи нравились. Он любил женщин, замечал наши наряды, прически. Когда он “вывозил” нас на конференции в другие города, то мы обязательно все вместе ходили в ресторан, особенно, если у кого-то был день рождения. В жизни он выглядел для многих, кто его не знал, даже сердитым, тогда как на самом деле был исключительно доброжелательным и неконфликтным человеком с тонким чувством юмора. В нашем клубе “13 января – старый новый год” с сорокалетней историей Аркадий Николаевич тоже был душой компании. Сейчас его нет, и у меня лично интерес во многом пропал, хотя умом я понимаю, что, наверное, не права...

Но были не только развлечения. Регулярно проводились научные семинары. Каждый из нас отвечал за определенные научные журналы, как отечественные, так и зарубежные и докладывал наиболее интересные статьи. Кроме того, мы обсуждали с ним, какие научные вопросы сейчас, что называется “на острие” и тогда уже готовился серьезный научный доклад на ту или иную тему. Все это способствовало тому, что мы были в курсе не только какой-то узкой собственной тематики, но и в курсе общих теоретических вопросов органической и элементоорганической химии. Все это очень пригодилось в дальнейшем.

Об отношениях отца и сына Пудовиков. В 1968 г. меня избрали старшим научным сотрудником (Черкасова Рафа и того раньше), а Миша Пудовик все еще был м.н.с. Наконец, он сообщил нам, что подал документы на с.н.с, мы за него порадовались, Миша (умница и всеобщий лю-

бимец курса, кстати) работал очень активно, у него уже было много статей. Вдруг через какое-то короткое время он нам говорит, что снял свою кандидатуру с рассмотрения. Что такое, что случилось? – Отец пригласил меня в свой директорский кабинет (то есть сугубо официально это было сделано) и попросил меня сняться с конкурса. – Как, почему?! – Поступила анонимка в партбюро, что отец-директор “продвигает” собственного сына. – Но это же неправда, не снимай, докажешь своим послужным списком, что достоин, наверняка за тебя проголосуют! – Не могу, отец просил, я ему обещал. Не будем говорить об анонимках, скольким людям они жизнь испортили, но ведь полная чушь! Активно работающего, умного, думающего, способного сотрудника просто “задвинули” только из-за того, что у него фамилия такая же, как у директора института! Было очень обидно за нашего Михаила. С анонимками на Аркадия Николаевича была еще одна история, когда мы еще были студентами 5 курса. На кафедре был небольшой хоздоговор и, видимо, чтобы подкормить нас, четверых студентов-отличников – Рафа Черкасова, Галю Козлову, Мишу Пудовика и меня зачислили на эту тему лаборантами (это были, как сейчас помню, 17 руб. 50 коп. в квартал, повышенная стипендия была 26 руб.). Но мы недолго радовались, опять же поступила в партбюро анонимка (мы даже знаем “автора”, разведка донесла, но не буду называть, человека нет уже в живых), что Пудовик платит своему сыну-студенту, а чтобы разговоров не возникало, платит еще троим студентам. Аркадий Николаевич нас всех пригласил и, потупив глаза, сообщил, что, к сожалению, кафедра не может нам больше платить. В общем, от этого Михаила Пудовика нам были одни сложности, да и самому Мише доставалось. Вспомнилась мне сейчас и еще одна “анонимная” история, произошедшая аж в середине 80-х годов, когда Аркадий Николаевич буквально избавил меня от “национальных” обвинений. Приглашает меня Аркадий Николаевич в кабинет и, смущаясь, говорит, что опять анонимка на то, что “сотрудница А. Н. Пудовика Ишмаева не берет в аспирантуру татар, у нее в аспирантах кто угодно, но только не татары”, надо что-то отвечать. – Вы не кипятитесь, я Вас понимаю. Ну ведь я сама наполовину татарка и моим отцом-татарином, интернационалистом, ученым-микробиологом, можно только гордиться, дай бог каждому такого отца! И детей своих он воспитал в интернациональном духе. Ну что за чушь, господа, ну когда в аспирантуру по национальности-то брали?! Перечислила Аркадию Николаевичу своих бывших и нынешних аспирантов (да он и сам их прекрасно знал), на тот момент это были Ольга Варнавская (Самарина), Игорь Пацановский, Лена Сундукова (Стрелкова), Юлия Яшина (Геншпринг), Ирина Кушниковская (Коврижникова), Аркадий Шерман. Сопоставив фамилии, мы пришли к лежавшему на поверхности гадкому выводу. Но что делать, сделали справку о достоинствах, успехах и личностных качествах их всех. Все окончили химфак с отличием, с младших курсов занимались научной работой, еще в студенчестве имели публикации, все

выступали с устными докладами в разных городах, привозили дипломы и хвалебные отзывы. Все аспиранты всегда защищались в срок. Аркадий Николаевич вынужден был с этой справкой идти объясняться, перед ним почти что извинились, сказали, что, к сожалению, они обязаны реагировать, таков порядок. К счастью, на том дело и кончилось, но ему было очень неприятно. А ведь мог бы и не пойти, да пусть Ишмаева сама отвечает, но его порядочность и интеллигентность не позволили ему меня бросить.

Аркадий Николаевич, наверное, как всякий талантливый руководитель, никогда не препятствовал работе своих учеников в новых для него направлениях, хотя на словах и мог выразить сомнение: “Интересно, конечно, но как это у Вас получится? Ну, хорошо, пробуйте, но только не засиживайтесь на этом, если не будет получаться”. А уж если получалось, и шли результаты, то всячески поддерживал, хвалил на переаттестациях, защитах, после докладов. Это, конечно, окрыляло, и ты чувствовал себя комфортно. Навсегда запомнилась мне наша с Ириной Вадимовной работа над двумя справочными монографиями (1966–1967 и 1972–1973 гг.), которые Аркадию Николаевичу, как авторитетнейшему ученому-фосфор-органику заказало издательство “Химия”. Для меня это был бесценный опыт работы с научной литературой, с библиотеками различных научных центров, с людьми, в конце концов, который очень пригодился в дальнейшей работе, при сотрудничестве с учеными не только разных научных центров, но и разных стран. Этот опыт всегда срабатывал, если ты мог заинтересовать собеседника тем, что собираешься сделать. Во всем этом тоже большой вклад Аркадия Николаевича. Его интерес к твоей работе всегда помогал. Начиная с 80-х годов, он уже говорил мне, что вовсе не обязательно включать его в авторы (“Вы уже сами большая”). Возможно, мы иногда включаем в авторы ученых, обладающих безусловным научным авторитетом, пытаюсь таким образом защитить себя от возможной критики со стороны рецензентов научных журналов и считая, что такое имя обязательно сработает. При этом освобождаем себя от ответственности, а этого не надо, наверное, делать. Помню еще, что однажды он пришел ко мне после ученого совета химфака (1980 г.) и сказал, что вот Ю. И. Сальников, кандидат наук, получил разрешение ВАК на руководство аспирантами, давайте и для Вас такое разрешение получим. У меня тогда всего-то два аспиранта защитились. Он считал это важным, это была явная поддержка молодой сотрудницы.

При всем своем авторитете и научном весе не только у нас в стране, но и за рубежом, Аркадий Николаевич всегда был исключительно открытым и демократичным человеком. Вспомнился случай, как он был назначен оппонентом по докторской диссертации Р. П. Аршиновой (1979 г., в настоящее время – один из ведущих научных сотрудников фирмы “Монсанто”, США). Ее работа была ему, конечно, хорошо знакома, но он не чувствовал себя в полной мере компетентным, особенно в мелочах. Он, Пудовик, член-корреспондент АН СССР, всемирно извест-

ный ученый, лауреат Ленинской премии, заслуженный деятель науки, вызвал меня и сказал: “Так, прошу Вас провести со мной ликбез по конформационному анализу, а особенно по этим ее изоэлектрическим и изоанизотропным картам”. Было назначено время, и мы с ним провели четыре занятия по этим вопросам. Это просто поразительно и поучительно, по-моему, для всех нас, в том числе и для молодежи, которая иногда весьма высокомерна и считает себя непогрешимой абсолютно во всех вопросах, будь то аналитическая, органическая, элементоорганическая или физическая химия. Учиться, учиться и учиться – это никогда не поздно и не зазорно – так вел себя и так учил нас на своем примере этот великий, без преувеличения, человек. Бывало, получишь некомпетентную рецензию на статью, спрашиваешь, что делать, приводишь свои аргументы, он соглашается. – Хорошо, так и напишите в редакцию, я подпишу, только тон должен быть исключительно вежливым и доброжелательным. Навсегда он меня научил именно таким образом общаться с редакциями – если уверен в своей правоте, доказывай ее, но дипломатическими методами. Об этом тоже подчас забывают, особенно на публичных защитах, пытаюсь зачастую свести какие-то свои счета с руководителем аспирантской работы. Аркадий Николаевич считал это недопустимым. Если он и критиковал, то всегда старался находить в работе и положительные моменты, за что и пользовался всеобщим уважением. По моему глубокому убеждению, Аркадий Николаевич в формальном научном плане, к сожалению, остался недооцененным, что меня лично всегда ранило – его так и не выбрали академиком. Однажды ему не хватило всего одного голоса. Грустно. Академик Польской академии наук Ян Михальский часто спрашивал при наших встречах, почему Аркадия Николаевича не выбрали в академики, ведь у него такие выдающиеся достижения, именная реакция, в конце концов?! Ему это было непонятно. Непонятно и всем нам, вернее, понятно, что далеко не всегда надо иметь выдающиеся научные достижения, чтобы тебя выбрали, иногда бывает достаточно совсем других качеств, в том числе умение себя “пропиарить”. Вот этим Аркадий Николаевич никогда не занимался, да и не хотел это делать.

Показателен такой факт – в последнее десятилетие, когда вся научная общественность уже знала, что Аркадий Николаевич болен и отошел от активной научной работы, из глубокого к нему уважения его продолжали включать в почетные члены Оргкомитетов международных фосфорорганических конференций (США, 1998 г., Япония, 2001 г., Великобритания, 2004 г.).

С 1993 г. научных сотрудников КГУ (как и сотрудников многих других ВУЗов) перевели на неполное финансирование (0.2–0.3 ставки, таковым оно остается и поныне). Лаборатория потеряла большую часть своих сотрудников. Работали со старыми запасами реактивов, использовали наработанные дружеские связи с другими научными центрами. Тех, кто остался, спас грант, который Аркадий Николаевич получил в 1997 г. в качестве поддержки своей научной школы. Этот небольшой грант (порою индивидуальные гранты РФФИ были значительно больше!) в течение 9 лет позволял нам приобретать реактивы, оргтехнику, участвовать в конференциях и хоть сколько-то добавлять к зарплате.

Говоря об Аркадии Николаевиче, хочу вспомнить и его жену, верную спутницу жизни, Аллу Дмитриевну Сафонову. Без преувеличения, Алла Дмитриевна, хотя и сама всегда работала, по большому счету всю свою жизнь посвятила мужу. В последние годы, когда она сама уже болела, все не находила для своего лечения времени (“я не могу Аркашу оставить, я знаю, что ему без меня плохо”). Возможно, она могла бы еще спасти себя или хотя бы продлить свою жизнь, а она всю себя отдала любимому человеку. Не умаляя роли всех членов семьи Пудовиков во время его болезни, я знаю, что именно Алла Дмитриевна и жена младшего сына Димы, Таня Пудовик своей заботой продлили ему жизнь. У меня (да и у всей нашей семьи) с Аллой Дмитриевной были совершенно особые доверительные отношения, потому что я знала, какая они замечательная пара, и какую роль она играет в жизни Аркадия Николаевича, как она ему нужна. Надеюсь, что и она к нам испытывала те же чувства. Для меня мой любимый учитель, Аркадий Николаевич Пудовик навсегда останется примером для подражания. Спасибо Вам, мой дорогой Аркадий Николаевич!

Э. А. Ишмаева